

Бурханов Рафаэль Айратович**Burkhanov Rafael Ayratovich**

доктор философских наук,
профессор кафедры философии и права
Сургутского государственного университета

D.Phil., Professor,
Philosophy and Law Department,
Surgut State University

ДОПУСКАЛ ЛИ КАНТ В ТРЕТЬЕЙ «КРИТИКЕ» СУЩЕСТВОВАНИЕ ТРАНСЦЕНДЕНТНЫХ СВЕРХЧУВСТВЕННЫХ ОБЪЕКТОВ ПОЗНАНИЯ И ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ?

DID KANT'S THIRD CRITIQUE SUGGEST THAT TRANSCENDENT SUPERSENSIBLE OBJECTS OF COGNITION AND GOAL-SETTING EXIST?

Аннотация:

Статья посвящена анализу проблемы существования сверхчувственных объектов в «Критике способности суждения» Иммануила Канта, где сама способность суждения понимается как переход от чистой теоретической способности познания к практическому понятию о свободе. Отмечается, что постановка метафизических проблем в этой работе предполагает допущение высшего «сверхчувственного основания» единства многообразного и интеграцию единичного многообразия в универсальную единую систему законов и результатов природы. При этом все частные эмпирические законы рассматриваются в единстве, как если бы такое единство давало природе высший, не человеческий, трансцендентальный, а божественный, трансцендентный рассудок. Будучи разумными существами, люди тем не менее способны познавать природу исходя из каузальности естественных законов материи, а не конечных причин и целей природы. Отвергая интеллектуальную интуицию, Кант пришел к выводу, что все наши знания всегда опираются на опыт. Следовательно, в «Критике способности суждения» он не признавал существования трансцендентных сверхчувственных объектов познания и целеполагания. Мыслимое нами единое сверхчувственное основание для природы и свободы не дает реальных оснований для постижения трансцендентных вещей в себе, но позволяет иметь в душе идеал познания теоретического разума и моральный идеал практического разума.

Ключевые слова:

Кант, объект, субъект, существование, способность суждения, критицизм, чувственное, сверхчувственное, познание, целеполагание, цель, закон, Бог, природа, свобода, истина, рассудок, разум, интуиция, трансцендентальный, трансцендентный.

Summary:

The study analyzes the existence problem of supersensible objects in "Critique of Judgment" by Immanuel Kant, where the power of judgment is understood as a transition from the pure theoretical ability to cognize to the practical concept of freedom. The research notes that the metaphysical problem statement implies the highest supersensible basis of the unity of the diverse and the integration of the unit diversity into a single universal system of laws and results of nature. The author emphasizes that all particular empirical laws should be considered as a kind of unity as if such unity gives the nature the supreme, divine, transcendent mind rather than human, transcendental one. Nevertheless, people as reasonable beings are able to cognize nature by the causality of the natural laws of matter instead of the ultimate causes and goals of nature. Rejecting the intellectual intuition, Kant argued that our knowledge was always based on experience. Therefore, in "Critique of Judgment", he did not recognize the existence of transcendent supersensible objects of cognition and goal-setting. The philosopher believed that the unified supersensible basis for nature and freedom conceived by us, gave no real grounds for comprehending the transcendent things in ourselves. However, it allowed us to have in our heart the ideal of knowledge of the theoretical reason and the moral ideal of the practical reason.

Keywords:

Kant, object, subject, existence, power of judgment, criticism, sensual, supersensible, cognition, goal-setting, goal, law, God, nature, freedom, truth, mind, reason, intuition, transcendental, transcendent.

Актуальность исследования этой проблемы не вызывает сомнений. Несмотря на антиклерикальный характер критического трансцендентализма Иммануила Канта, в наше время находятся исследователи, трактующие его учение с супранатуралистических или религиозных позиций. Так, английский ученый Дж. Финдлей считает, что «...Бог в схеме Канта... является необходимым существом, которое отвечает за бытие царства целей, за продолжение существования [после смерти] различных индивидов, создающих собственное законодательство [разума]... Бог... служит вечной гарантией возможности и продолжительности разумной деятельности [индивидов] и сам по себе должен быть постулирован в качестве [необходимой] части сущего» [1, р. 315]. Тем самым явно или неявно признается допущение Кантом трансцендентных объектов познания и целеполагания.

Этот вопрос лучше разобрать на примере анализа проблемы целесообразности и целеполагания, которая в логическом плане должна рассматриваться между исследованием теорети-

ческого разума и исследованием практического разума. Кантовская «Критика способности суждения» служит «соединительным мостом», переброшенным от «Критики чистого разума» к «Критике практического разума».

В первой «Критике» анализируется «законодательство рассудка», содержащее понятие *природы*, которое служит основой априорного теоретического познания. Во второй «Критике» изучается «законодательство разума», содержащее понятие *свободы*, которое служит основой для всех практических (морально-этических) предписаний. В третьей «Критике» исследуется *способность суждения*, которая является промежуточной ступенью от рассудка к разуму. «...*Способность суждения*, – пишет философ, – должна содержать в себе... априорный, чисто субъективный принцип... для отыскания законов...» [2, с. 175].

Поскольку способность суждения относится к рассудку, она принадлежит к теоретическому разуму. Но поскольку к способности желания присоединяются чувство удовольствия и чувство неудовольствия, то способность суждения понимается как переход от чистой теоретической способности познания к практическому понятию о свободе. Поэтому критика чистого разума включает в себя критику чистого рассудка, критику чистой способности суждения и критику чистого разума.

В третьей «Критике» Кант выделяет ряд проблем, которые могут быть правильно решены при допущении, что основоположения теоретической философии и практической философии являются истинными [3, с. 5–7].

Во-первых, если всеобщие трансцендентальные законы, которые в общем и целом делают возможной форму природы, и частные эмпирические законы, составляющие ее содержание, служат правилами, на основе применения которых возможна единственная система, постижимая человеком, и предмет единственно связного опыта, то теоретическая философия должна обосновать систему изучения природы и естествознания и объяснить условия возможности всякого опыта и всякой объективности предметов опыта. В этом случае необходимо принять утверждение о некой «сверхчувственной основе», в которой единство многообразного, доказываемое и обосновываемое с помощью всеобщих трансцендентальных законов, должно мыслиться как единство, связанное посредством причинно-следственных отношений.

Во-вторых, если признать, что форма природы и форма свободы не являются законами, принадлежащими к двум различным мирам, а разумность целей и свобода человека должны осуществляться в посюстороннем мире, то это «сверхчувственное единство» следует признать основой объединения природы и свободы.

В-третьих, эту мыслимую «сверхчувственную основу» необходимо рассматривать как предпосылку для понимания организмов как целей природы при условии, что законы произведения и воспроизведения этих природных целей должны быть реализованы в самой целостной системе природы.

Таким образом, постановка этих метафизических проблем предполагает допущение высшего трансцендентного «сверхчувственного основания» единства многообразного и интеграцию единичного чувственного многообразия в единую универсальную систему законов и результатов природы. Для этого человеческий разум должен осуществить *трансцендирование* за пределы природы, т. е. чувственного мира.

Будучи рационально-логической формой, способность суждения проявляет себя как способность мыслить особенное в общем. Эта способность осуществляет сопоставление, сравнение того и другого и в результате выносит решение об их соответствии или несоответствии. Пользуясь некими правилами, способность суждения вырабатывает и формулирует оценки представлений об особенном с точки зрения их соответствия определенным критериям. Существуют два способа мыслить особенное и всеобщее, два вида способности суждения – «определяющая способность суждения» и «рефлектирующая способность суждения».

С *определяющей способностью суждения* мы имеем дело тогда, когда общее нам дано, а способность суждения призвана подвести особенное под изначально данное или указанное общее. Всеобщие законы для определяющей способности суждения, которые предначертаны а priori, дает рассудок.

В свою очередь, *рефлектирующая способность суждения* действует тогда, когда дано особенное, а не общее, которое надо найти для особенного. Для этого рефлектирующей способности суждения нужен принцип. Этот принцип она не может взять из опыта, поскольку именно через опыт обосновывается единство всех эмпирических законов, и не может взять из рассудка, поскольку в этом случае способность суждения становится не «рефлектирующей», а «определяющей».

В отличие от определяющей способности рефлектирующая способность суждения основывается не на понятиях и правилах, данных ей извне познающим рассудком или практическим разумом, а на собственных, выработанных ей самой априорных принципах. Она не может предписывать законы природе, поскольку как рефлексия о законах природы она сама должна соотноситься с природой. Следовательно, такая способность суждения не имеет собственных объектов, она может дать себе принцип, только предположив некий высший, сверхчувственный рассудок.

Рефлектирующая способность суждения исходит из того, что все частные эмпирические законы должны рассматриваться как некое единство, но не в бытии или самой природе. Это синтетическое единство следует понимать так, *как если бы* его дал природе некий высший, не человеческий, трансцендентальный, а божественный, трансцендентный рассудок. Благодаря рефлектирующей способности суждения, подчеркивает Кант, мы способны мыслить *целесообразность*.

Пока мы имеем дело с понятиями и категориями рассудка и действуем в границах определяющей способности суждения, понятие целесообразности природы получить нельзя, ибо рассудок исследует природу с точки зрения причинно-следственной обусловленности всех событий, явлений и свойств вещей, а не с точки зрения цели. Но ситуация меняется в том случае, когда мы имеем дело с рефлектирующей способностью суждения. Здесь мыслимое понятие о предмете в самом себе заключает понятие *цели*.

Кант активно использовал телеологический метод, согласно которому все явления и процессы нужно рассматривать по аналогии с целесообразной деятельностью человека. Философ отказался от онтологического телеологизма, который приписывает цели самой природе. «Что в природе должны быть цели, — пишет он, — этого не может усмотреть а priori ни один человек...» [4, с. 95]. Соответствие вещи свойствам согласно ее целям есть целесообразность; она присуща форме самой вещи и представляет собой результат активности нечеловеческого рассудка. Постулируя понятие цели, мы мыслим природу так, *как если бы* основой единства, упорядочивающего многообразие ее эмпирических законов, являлся какой-то высший рассудок. Рациональной предпосылкой всяких теоретических рассуждений о Высшем Существо, о Боге является поиск единого основания всех оснований мироздания, стремление разума к полноте и завершенности картины мира, т. е. к абсолютному идеалу чистого разума [5, с. 438].

Критика Кантом внешней природной целесообразности, т. е. онтологического телеологизма, заключается в отрицании возможности разума выйти за пределы имманентного и проникнуть в сферу трансцендентного. Великий кенигсбержец стремился показать принципиальную ошибку, которая обнаруживается в этом понимании и претензиях разума на познание сверхчувственной сущности мироздания. Она состоит в том, что предположение о назначении каждой вещи для выполнения какой-либо особой функции неизбежно ставит вопрос о цели самой природы, которую необходимо искать за пределами природы. В результате мы возвращаемся к идее высшей потусторонней силы, которая является целью и творцом всей природы.

Следовательно, целесообразность природы не является понятием теоретически мыслящего рассудка; она не относится к теоретическим понятиям науки и не имеет какого-либо отношения к целям природы. Телеология как наука не является доктриной, она представляет собой часть критики способности суждения.

Целесообразность природы следует мыслить *по аналогии* с практической целесообразностью деятельности людей, хотя в сущности она отличается от понятия этой деятельности. У Канта «*цель* в соответствии с *трансцендентальным* методом рассматривается как понятие *рефлектирующей* способности суждения, т. е. как *представление* субъекта, имеющее основанием его свободу» [6, с. 24]. Хотя в ходе этого разум осуществляет трансцендирование за пределы опыта, оно имеет не «конститутивное применение», а «регулятивное применение». Посредством понятия целесообразности теоретическое познание дает людям фундаментальную идею единства явлений природы, согласуя ее с эмпирическими законами, что имеет большое значение для формирования идеалов научного познания.

В природе существует многообразие эмпирических законов, которые в силу своей принадлежности к сфере опыта не могут быть познаны а priori. Общие законы природы, априорно налагаемые формами рассудка, осуществляют синтез знания в единство опыта для вещей природы вообще, но не осуществляют его как особенное единство для определенных ее сущностей.

Между тем такое особенное единство все же необходимо мыслить, подчеркивает философ, в противном случае мы не сможем объединить эмпирические знания в целое опыта. Поэтому условием априорного применения способности суждения является следующее: то, что в частных эмпирических законах природы представляется случайным, имеет непостижимое теоретически, но признаваемое практически всеобщее закономерное единство. В идее целесообразности человеческий разум содержит не только результат своего теоретического познания, но также *идеал знания*, который как недостижимое состояние еще дальше, чем идеи, отстоит от объективной реальности.

Однако мыслимое (но только мыслимое!) понятие о целесообразности в теоретическом смысле не дает нам понятия природы, а в практическом смысле — понятия свободы. Оно ничего не предписывает предметам природы, а всего лишь указывает, какой должна быть субъективная рефлексия о них. Понятие целесообразности дает нам только субъективный принцип способности суждения, так как в основе рефлексии об эмпирических законах природы должен лежать априорный принцип. Согласно этому принципу в самой природе существует некое постижимое

для нас единство, некая субординация родов и видов природы, вследствие чего возможны переходы от одного рода и вида к другому и к подчиняющему их высшему роду. Отсюда немецкий мыслитель выводит учение о телеологической способности суждения, образующее переход от теоретического разума к разуму практическому.

Другой сферой осуществления рефлектирующей способности суждения являются суждения о прекрасном и суждения о свойствах произведений искусства. Здесь Канта интересует вопрос о том, как могут суждения о красоте быть случайными или необходимыми. Ведь прекрасное само по себе не должно быть познанием объекта, субъекта или опыта. Чтобы добиться этого, «человеческое сознание должно действовать пассивно в восприятии его (опыта. – Р. Б.) содержания и неактивно в его (опыта. – Р. Б.) организации» [7, р. 385].

Немецкий мыслитель считал, что эстетика как наука может быть построена только на чувстве эстетического и она будет «критической», если основой такого построения будет чистое трансцендентальное чувство, а не познавательная способность. В то же время необходимым условием эстетики является наличие эстетического разума. Будучи необходимым средством для освобождения субъекта (и объекта) от интересов, эстетическая установка должна поощрять интересы к созерцанию объекта, эстетическому наслаждению и имманентному интересу самого наслаждения. Освобождение субъекта от всех интересов вызывает прекращение эстетического процесса.

Суждения вкуса выражают собой состояние субъекта, а не содержание объекта. Требуется специальная установка, чтобы возникло эстетическое чувство, которое разительно отличается как от чувства приятного, так и от чувства морального удовлетворения. Аффектация предмета на познавательные способности, где не содержится никакого интереса со стороны субъекта, делает возможной оценку значения предмета для реализации взаимосвязи воображения и рассудка. Констатация такой «игры» дает нам эстетическое чувство.

По своим характеристикам (качеству, количеству, отношению к цели, модальности) вкус полностью отвечает сущности чисто эстетического суждения. Это суждение основано на удовольствии, свободном от познавательного и морального интереса, независимо от того, существует ли прекрасный предмет в реальном мире или является вымыслом художника. Эстетический вкус не дает теоретических понятий, как это делает рассудок, и не дает нравственных идей, как это делает разум. Суждение вкуса фундируется не на понятии рассудка о чувственном, ибо в противном случае было бы возможно его теоретическое доказательство, а на трансцендентальном понятии разума о существовании сверхчувственного, т. е. на нравственной идее. Поэтому формулировать эстетические суждения, постигать красоту природы способен только нравственный человек.

Кант понимает вкус как способность к суждению морального субъекта, распространяющего нравственное отношение не только на человека из-за его сверхчувственного предназначения, но также на природу, где субъект созерцает идеи прекрасного и красоты. Все это порождает надежду на то, что мир природы наряду с чувственным измерением имеет еще и сверхчувственный смысл и что Бог и бессмертие души все-таки существуют [8, с. 119–120]. Итак, основоположение о том, что основу априорных способностей можно найти в сфере сверхчувственного, имеет силу и для суждения вкуса. Ведь «эстетический опыт, т. е. опыт естественной красоты, является опытом ноуменального мира, пропущенным через феноменальный мир» [9, р. 385].

Таким образом, Кант обнаружил в способности суждения промежуточное звено между познающим рассудком и практическим разумом, природой и свободой, сущим и должным, одним словом – между чувственным миром и миром сверхчувственным. Однако осуществил он это субъективным образом, в трансцендентальном сознании, в оценке сущего с позиции должного [10, с. 266–267]. В результате пропасть между этими противоположностями в самой реальности так и осталась непреодолимой.

Тем не менее внутри трансцендентального критицизма был намечен другой вариант «диалектического снятия» противоположности природы и свободы, сущего и должного. Кант обосновал возможность мыслить не дискурсивный, а интуитивный рассудок, способный непосредственно созерцать высшие сущности: «Наш рассудок есть способность [давать] понятия, т. е. дискурсивный рассудок, для которого... должно быть случайным то, какого рода... особенное... может быть... подведено под его понятия. Но так как... способность *полной спонтанности созерцания* была бы познавательной способностью, отличной от чувственности... то можно мыслить себе и *интуитивный* рассудок... который не идет от общего к особенному и далее к единичному (через понятия) и для которого нет этой случайности согласия природы в ее продуктах с рассудком по *частным* законам...» [11, с. 435–436].

Рассудок этот не следует понимать как человеческий рассудок, поскольку люди как разумные существа способны познавать природу исходя из каузальности самих естественных законов

материи, а не каузальности возможных целей и конечных причин самой природы. Отвергая интеллектуальную интуицию, кенигсбергский мыслитель подчеркивает, что все наши знания в деле научного постижения истины всегда опираются на опыт. Если представить себе некий высший нечеловеческий интеллект, он не будет нуждаться ни в опыте, ни в трансцендентальном познании как таковом. Поскольку истина для нас постигается в опыте, мы познаем не вещи в себе, а феномены, вследствие этого надо отказаться от допущения возможности абсолютного знания.

Следовательно, в «Критике способности суждения» Кант не признавал существования трансцендентных сверхчувственных объектов познания и целеполагания. Единое сверхчувственное основание для природы и свободы, подчеркивал он, мы можем мыслить по принципу *как если бы*, который, хотя и не дает реальных оснований для постижения трансцендентных вещей в себе, все же позволяет нам иметь идеал познания теоретического разума и моральный идеал практического разума.

Ссылки:

1. Findlay J.N. Kant and the Transcendental Object: A Hermeneutic Study. Oxford, 1981. 392 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198246381.001.0001>.
2. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения : в 6 т. Т. 5. М., 1965. С. 175.
3. Тушлинг Б. Проблема системы трансцендентального идеализма в «Критике способности суждения» / пер. с нем. Д.Б. Длугач // Кантовский сборник : межвуз. темат. сб. науч. тр. Калининград, 1991. Вып. 16. С. 3–12.
4. Кант И. О применении телеологических принципов в философии // Кант И. Сочинения. Т. 5. С. 95.
5. Мотрошилова Н.В. Рождение и развитие философских идей: историко-философские очерки и портреты. М., 1991. 464 с.
6. Чернов С.А. Телеология свободы // Кантовский сборник. Калининград, 1993. Вып. 17. С. 21–29.
7. Zimmerman R.L. Kant: The Aesthetic Judgment // Kant: A Collection of Critical Essays / ed. by R.P. Wolff. L. ; Melbourne, 1968. 416 p.
8. Акиндинова Т.А. Знание и вера в зеркале эстетической рефлексии: Кант и Гете // Вера и знание. Соотношение понятий в классической немецкой философии / отв. ред. Д.Н. Разеев. СПб., 2008. С. 118–133.
9. Zimmerman R.L. Op. cit. P. 385.
10. Перов Ю.В. Кант о способности суждения в контексте природы и свободы, сущего и должного // Перов Ю.В., Сергеев К.А., Слинин Я.А. Очерки истории классического немецкого идеализма. СПб., 2000. С. 207–267.
11. Кант И. Критика способности суждения. С. 435–436.

References:

- Akindinova, TA 2008, 'Knowledge and Belief in Terms of Aesthetic Reflection: Kant and Goethe', in DN Razeev (ed.), *Vera i znaniye. Sootnosheniye ponyatiy v klassicheskoy nemetskoy filosofii*, St. Petersburg, pp. 118-133, (in Russian).
- Chernov, SA 1993, 'Teleology of Freedom', *Kantovskiy sbornik*, Kaliningrad, vol. 17, pp. 21-29, (in Russian).
- Findlay, JN 1981, *Kant and the Transcendental Object: A Hermeneutic Study*, Oxford, 392 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198246381.001.0001>.
- Kant, I 1965a, 'Critique of Judgment', *Works*, in 6 vols., vol. 5, Moscow, pp. 175, 435-436, (in Russian).
- Kant, I 1965b, 'On the Use of Teleological Principles in Philosophy', *Works*, in 6 vols., vol. 5, Moscow, p. 95, (in Russian).
- Motroshilova, NV 1991, *The Birth and Development of Philosophical Ideas: Historical and Philosophical Essays and Profiles*, Moscow, 464 p., (in Russian).
- Perov, YuV 2000, 'Kant on the Power of Judgment in the Context of Nature and Freedom, Real and Proper', in YuV Perov, KA Sergeev & YaA Slinin (eds.), *Ocherki istorii klassicheskogo nemetskogo idealizma*, St. Petersburg, pp. 207-267, (in Russian).
- Tushling, B 1991, 'The Problem of the System of Transcendental Idealism in 'Critique of Judgment'', *Kantovskiy sbornik: mezhvuz. temat. sb. nauch. tr.*, Kaliningrad, vol. 16, pp. 3-12, (in Russian).
- Zimmerman, RL 1968, 'Kant: The Aesthetic Judgment', in RP Wolff (ed.), *Kant: A Collection of Critical Essays*, London, Melbourne, p. 385.